Е. И. Филиппова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА

Вопрос о возможности и целесообразности использования художественной литературы в качестве исторического источника до сих пор остается спорным и неразработанным.

Согласно принятой в советском источниковедении точке зрения, исторические источники — это «все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания, т. е. все, созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни» [1]. Не подлежит сомнению, что сказанное можно с полным основанием отнести и к художественной литературе. Таким образом, казалось бы, она безоговорочно может считаться историческим источником. На практике дело обстоит гораздо сложнее.

В учебниках по источниковедению «литературно-художественные памятники» рассматриваются в лучшем случае до XVII в.; в главах, посвященных более поздним периодам истории, этот вопрос обходится молчанием. В то же время категорическое отрицание целесообразности использования художественной литературы как источника по истории нового и новейшего времени мы встретили только у одного автора — Л. Н. Гумилева. Он пишет: «Для новейшего периода истории... — XVIII—XX веков — сама постановка вопроса кажется странной и ненужной. Ну кому придет в голову составлять историю Северной войны, опираясь на „Полтаву“ Пушкина, или описывать поход Наполеона 1812 года по „Войне и миру“ Л. Н. Толстого?» [2] Между тем автор признает необходимость обращения к художественной литературе при изучении древней истории, т. е. в тех случаях, когда других источников мало или нет совсем. На наш взгляд, в рассуждениях Л. Н. Гумилева происходит подмена оснований. Источник не перестает быть таковым только оттого, что существуют другие источники, освещающие ту же эпоху, те же события и пр. Напротив, привлечение нескольких различных по своему характеру источников позволяет получить более объективное представление об исследуемых явлениях. «Война и мир», действительно, не может служить источником для изучения Отечественной войны 1812 года, но не потому, что есть другие источники, а потому, что Толстой не был очевидцем изображаемых им событий. А вот его «Севастопольские рассказы» вполне правомерно принять во внимание при воссоздании истории Крымской войны, так как они написаны не просто свидетелем, но и непосредственным участником военных действий.

Представляется убедительной точка зрения, согласно которой художественное произведение может рассматриваться как источник только в том случае, если оно создано на основании личных наблюдений автора, а не является результатом изучения других источников, как обычно бывает при написании исторических романов, повестей и пр. [3]

Источниковедческая ценность художественных произведений исторического жанра определяется содержащимся в них отражением «определенных взглядов писателя и его современников» [4].

---

[1] Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп./Под ред. Ковальченко И. Д. М.: Высш. школа, 1981, с. 8.

[2] *Гумилев Л. Н.* Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? — Русская литература, 1972, № 1, с. 73.

[3] См.: *Рабинович М. Г.* Город и поэт (к этнографическому источниковедению).— Сов. этнография, 1985, № 1; *Решетов А. М.* Произведения русских художников XVIII—начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса).— В кн.: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982.

[4] *Миронец Н. И.* Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса).— История СССР, 1976, № 1, с. 135.

Таким образом, вопрос, по нашему мнению, не в том, может ли художественная литература служить историческим источником, а в том, какие требования предъявлять к этому источнику, ответы на какие вопросы в нем искать.

Существующие в литературе мнения на этот счет достаточно единодушны. В. И. Стрельский считает, что художественные произведения являются прежде всего источником, «объективно отражающим общественное мнение, господствующие идеи эпохи»[5]. В том же ключе, но несколько шире понимает значение этого источника И. Я. Биск: «Попытки восстановить облик исторических деятелей и событий по произведениям художественной литературы не всегда возможны и целесообразны, учитывая обилие источников для изучения новой истории. Произведения художественной литературы представляют ценность как источники по истории *культуры, быта и нравов* (курсив мой.— *Е. Ф.*), общественной мысли и общественно-политической борьбы»[6].

Н. И. Миронец подчеркивает, что «при изучении *быта и нравов* (курсив мой. — *Е. Ф.*), настроений, общей атмосферы эпохи историк может почерпнуть из художественной литературы массу сведений, в особенности из тех произведений, в которых писатель воссоздал современную ему эпоху, описал те стороны жизни, которые сам наблюдал»[7].

Еще более определенно высказывает ту же мысль А. В. Предтеченский: «...почти в каждом произведении русской классической литературы историк найдет бытовой материал. Существует множество бытовых черт и черточек, о которых историк узнает из художественной литературы и которые ни в каком другом источнике не отражены»[8].

Поскольку «...ядро предметной области этнографии... составляет прежде всего *традиционно-бытовая культура*»[9] (курисив мой.— *Е. Ф.*), становится очевидным, что для этнографа художественная литература может служить источником еще в большей степени, чем для историка.

Отметим, что даже при изучении современности или не столь отдаленного прошлого исследователь сталкивается с неравномерностью освещения различных проблем. Так, этнография города меньше обеспечена источниками, чем этнография села, поскольку основным носителем этнических традиций долгое время считали крестьянство, и интерес ученых был направлен преимущественно на изучение деревни[10]. Поэтому при обращении к этнографии города вопрос расширения источниковой базы приобретает особую актуальность[11].

Много материала может дать художественная литература при рассмотрении таких проблем, как стереотипы поведения, ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, а также брачно-семейные отношения и другие аспекты соционормативной культуры.

Благодаря своим специфическим особенностям художественная литература обладает рядом преимуществ по сравнению с другими видами письменных источников. Именно эти преимущества позволили Ф. Энгельсу написать: «Бальзак... в „Человеческой комедии“ дает нам самую замечательную реалистическую историю французского „общества“, особенно „парижского света“..., из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше..., чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»[12].

---

[5] *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.— 1917 г. М.: Высш. школа, 1962, с. 542.

[6] *Биск И. Я.* Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 142—143.

[7] *Миронец Н. И.* Указ. раб., с. 134—135.

[8] *Предтеченский А. В.* Художественная литература как исторический источник.— Вестн. ЛГУ, 1964, № 14. Сер. истории, языка и литературы, вып. 3, с. 84.

[9] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 84.

[10] См. *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 3.

[11] Удачным примером использования художественного текста для изучения города является уже упоминавшаяся статья М. Г. Рабиновича «Город и поэт (к этнографическому источниковедению)».

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 36.

Применительно к русской литературе подобный вывод сделал Д. И. Писарев. «Когда мы изучаем историю,— писал он,— нам редко удается заглянуть в душу людей известной эпохи, не всегда удается перенестись в круг их понятий, объяснить себе, как смотрят они на себя, на мир, на свои отношения к обществу, к семейству и к человечеству. Такие черты не заносятся в летописи... Внутренняя, духовная жизнь эпохи может отразиться только в художественном произведении. На этом основании некоторые подобные произведения стоят на ряду с драгоценнейшими историческими памятниками» [13].

Сравнительная ценность каждого конкретного литературного произведения применительно к этнографии определяется его стилистическими и жанровыми особенностями, тематикой, уровнем компетенции автора и его принадлежностью к тому или иному общественному или литературному направлению.

Особую ценность представляет реалистическая литература. Писатели-реалисты стремятся дать наиболее полное и верное отражение жизни — событий, людей, предметов и явлений, изображая их такими, какими они являются в действительности.

«Реализм,— писал Ф. Энгельс,— предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [14]. Типизация — один из важнейших принципов реалистической литературы, наивысшая форма художественного обобщения действительности, позволяющая литературе глубже проникать в жизнь, полнее и ярче раскрывать тенденции ее развития, быть орудием ее познания. Говоря о лучших представителях реализма, Энгельс отмечал, что в их произведениях художественная достоверность достигается вне зависимости, а иногда и вопреки их общественно-политическим воззрениям [15].

Большое значение для этнографа имеет культурно-бытовой фон, на котором разворачивается действие, среда обитания персонажей. Обычно она воссоздается с большой достоверностью. Этому способствует тот общеизвестный факт, что талантливый художник замечает гораздо больше рядового наблюдателя. В. Г. Белинский писал, что народность (т. е. верность изображения нравов, обычаев и характера народа), «чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует такого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают. Поэту стоит только мимоходом взглянуть на ту или иную жизнь, и она уже усвоена им» [16].

Литература дореалистических направлений — сентиментализма и романтизма, не ставившая задачи достоверного отражения окружающей действительности, а также произведения фантастического, утопического, публицистического и гротескного жанров представляют меньшую ценность для этнографа и могут использоваться лишь ограниченно и с большой осторожностью. В этих источниках особенно важны детали, увиденные автором как бы «боковым зрением», мимоходом перечисленные маловажные подробности, так как именно на них лежит подчас отпечаток эпохи.

Становление реализма в русской литературе началось в 30—40-е годы XIX в. и связано с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и писателей так называемой «натуральной школы», осуществивших в конце 1840-х годов под редакцией Н. А. Некрасова издание альманаха «Физиология Петербурга», в котором были собраны рассказы и очерки, повествующие о быте различных слоев населения русской столицы, особенно городской бедноты.

К 1860-м годам реалистическое направление достигает подлинного расцвета и становится абсолютно преобладающим в русской литературе.

---

[13] *Писарев Д. И.* Соч. в четырех томах, т. I. М., 1955, с. 20.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 35.
[15] См. Там же, с. 37.
[16] *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1983, с. 138.

В качестве одного из основных требований, предъявляемых к художественному произведению, выдвигается правдивое изображение действительности, «узнаваемость» картин жизни, обращение к общественно значимым вопросам. На страницах литературных произведений анализируются аграрные отношения и крепостнические пережитки, своеобразие формирующегося русского капитализма, общественное положение и развитие личности, религиозные, нравственные и этические проблемы, самосознание и поведение масс. Важное место в литературной полемике занимает вопрос о народности литературы. Еще В. Г. Белинский считал, что литература должна выражать и воспроизводить дух народа, его внутреннюю жизнь «до сокровенных глубин и биений»[17] и провозглашал верность изображения нравов, обычаев и характеров народа необходимым условием истинно художественного произведения[18]. Эту же мысль развивал и К. С. Аксаков[19].

В спорах между представителями различных общественно-политических и литературных направлений подвергались теоретическому осмыслению такие понятия, как «народ», «народность», «русское воззрение» и т. д.[20] Принцип народности не только декларировался в программных статьях, но и последовательно воплощался в художественных произведениях, будучи одним из важнейших положений критического реализма.

Характерной особенностью прозы 1860-х годов было расширение ее социальных границ. Усиление разночинно-демократического элемента в русской интеллигенции не обошло и литературу и выразилось, в частности, в формировании целого направления, получившего название «этнографическая беллетристика». В произведениях представителей этого направления — А. И. Левитова, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, Н. Г. Помяловского, Г. И. Успенского, М. А. Воронова и др.— «заметно стиралась грань между художественным и научным подходом к изображению действительности. Здесь художественная проза вступала в тесное соприкосновение отчасти с экономическими науками, отчасти с этнографией... с народознанием в широком смысле слова»[21]. На эту особенность литературы 1860-х годов неоднократно указывали как современники — писатели, критики, общественные деятели, так и советские ученые.

Следует отметить, что общество предъявляло к этнографической беллетристике высокие требования. В рассматриваемый нами период считалась уже недостаточной и даже предосудительной простая зарисовка отдельных внешних деталей народного быта или описание архаических черт культуры. От литературы ждали глубокого осмысления современной социальной действительности, анализа мировоззрения народа[22]. Такой подход был возможен благодаря тому, что писатели-демократы вели не кабинетный образ жизни, а собирали материал для своих рассказов, очерков, повестей и романов непосредственно в гуще народа; некоторые из них (например, В. А. Слепцов) использовали при этом программы Русского географического общества.

По признанию М. Горького, писатели-разночинцы «дали огромный материал к познанию экономического быта нашей страны, психических особенностей ее народа, изобразили его нравы, его обычаи, его настрое-

---

[17] Там же, с. 22.

[18] Там же, с. 138.

[19] *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М.: Современник, 1981, с. 225.

[20] См., например: *Аксаков К. С.* О русском воззрении.— В кн.: *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика; *его же.* Еще раз о русском воззрении.— Там же; *Аксаков И. С.* Об издании в 1859 г. газеты «Парус».— Там же; *Антонович М. А.* О почве.— В кн.: Шестидесятники. М.: Сов. Россия, 1984, и др.

[21] *Бялый Г. А.* Проза 60-х годов. Общий обзор.— В кн.: История русской литературы. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1956, т. VIII, ч. I, с. 278.

[22] См.: Современник, 1864, № 11, с. 192; *Гусев В. Е.* Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX в. (по материалам «Современника» и «Отечественных записок»).— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXX). М., 1956, с. 254.

ния, желания»[23], что и предопределило непреходящую познавательную ценность лучших произведений этого литературного направления.

Не следует забывать и о том, что быт и сознание народа находили широкое отражение и в творчестве таких писателей, чье значение далеко выходит за рамки «этнографической беллетристики». Так, представитель психологического реализма, Ф. М. Достоевский, отразил в своих произведениях этого периода те изменения, которые происходили в русском городе под влиянием развивавшегося капитализма и затрагивали условия жизни, материальное положение и психологию различных слоев городского населения пореформенной России[24]. «С щедростью и всеобъемлющим размахом „Человеческой комедии" Достоевский в рамках одного романа... показал сверху донизу целое общество в его чиновниках, помещиках, студентах, ростовщиках, стряпчих, следователях, врачах, мещанах, ремесленниках, священниках, кабатчиках, сводницах, полицейских и каторжниках. Это — целый мир сословных и профессиональных типов»[25].

Разные стороны городской жизни нашли свое отражение и в творчестве Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова и др.

Приведенные соображения убеждают в том, что обращение этнографов к художественной литературе может быть очень полезным, а при изучении таких вопросов, как обыденное сознание, семья и семейный быт, нормы поведения и др., просто необходимым.

Для правильного понимания и наиболее полного использования содержащейся в художественной литературе информации необходим тщательный источниковедческий анализ изучаемых произведений с применением всего комплекса методов, выработанных исторической наукой.

Первый этап такого анализа — выявление и отбор источников. На основании изучения периодических изданий интересующего нас времени, а также литературоведческой и справочной литературы должны быть выявлены все писатели, жившие в 60-х годах XIX в., и составлен список созданных ими в этот период произведений. Затем из круга источников следует исключить сочинения исторического жанра, а также те, действие которых происходит не в городской среде.

Следующий этап работы — аналитическая критика источников и определение объективной научной ценности каждого из них. Такой анализ имеет две стороны: количественную (объем этнографической информации, которую содержит тот или иной источник) и качественную (насколько эта информация исторически достоверна). Для ответа на первый вопрос достаточно внимательного чтения источника, в ходе которого выясняется, к каким сословным и профессиональным группам принадлежат действующие лица (как главные, так и второстепенные, эпизодические), какие стороны их жизни и насколько подробно отражены автором. Ответ на второй вопрос требует тщательного изучения (с позиций историзма и партийности) биографии писателя, его политических и общественных взглядов, конкретных обстоятельств создания каждого произведения. Такой подход позволяет выявить взаимосвязь между источниками, установить классовый характер содержащейся в них информации и степень ее достоверности.

Заключительный этап источниковедческого анализа — синтетическая критика всей совокупности относящихся к данной теме источников. Важное значение на этом этапе приобретает метод классификации, дающий возможность объединить источники в группы, необходимые для получе-

---

[23] *Горький М.* История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939, с. 219; О значении творчества шестидесятников-демократов для этнографии см. также: *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1947, с. 510; *Тургенев И. С.* Собр. соч. в 12 томах, т. 12. М., 1958, с. 397; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Литературная критика. М.: Современник, 1982, с. 213; *Базанов В. Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л.: Наука, 1974, с. 81, и др.

[24] *Фридлендер Г. М.* Ф. М. Достоевский.— В кн.: История русской литературы, т. 3. Л.: Наука, 1982, с. 753—754.

[25] *Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания».— В кн.: *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. М., 1935, с. 32.

ния исчерпывающей информации об изучаемых явлениях. При этом в зависимости от исследовательской задачи принцип, положенный в основу классификации, может быть различным. Классификация источников по признаку авторства позволяет провести сравнительный анализ восприятия русского общества разными писателями-современниками, проследить эволюцию взглядов каждого из них на протяжении творческого пути, оценить вклад того или иного автора в отечественное народознание. Классификация по локальному признаку (произведения о Петербурге, Москве и т. д.) поможет составить наиболее полное представление о жизни изучаемого города в целом, а группировка по сословно-профессиональному признаку целесообразна при постановке таких тем, как, например, «быт городского мещанства» (купечества, чиновничества, рабочих и т. д.). Возможны и другие принципы классификации источников.

При сборе и обработке содержащейся в художественной литературе этнографической информации исследователю приходится обращаться к различным методам. Уже на начальном этапе сбора информации большое значение имеет структурно-системный подход, заключающийся в вычленении основных структурных компонентов этноса «от материальной культуры до психического склада и этнического самосознания»[26]. Сбор информации с одновременной ее группировкой по заранее определенным разделам значительно облегчает последующую обработку материалов.

Возможен сбор сведений по заранее составленной программе. Однако специфика художественной литературы такова, что не всегда удается найти ответы на все поставленные вопросы, и в то же время источник может содержать интересную и ценную информацию, не предусмотренную программой. Поэтому нам кажется целесообразным применение подобного метода лишь как вспомогательного, наряду с другими. Сведения, собранные этим способом, могут лечь в основу метода исторического моделирования на этапе обработки информации.

Для определенных целей полезно составление частотного терминологического словаря. Так, при изучении одежды частота упоминания тех или иных ее разновидностей может служить показателем их распространенности. Разумеется, фиксируя названия предметов или явлений, нельзя забывать о контексте, т. е. применительно к нашему примеру отмечать, кто и при каких обстоятельствах носит данную одежду, как относится к ней и т. д.

Всю информацию, содержащуюся в художественных произведениях, можно разделить на три категории. Первая включает отдельные упоминания тех или иных компонентов материальной и духовной культуры, быта и пр., описания и характеристики эпизодических действующих лиц. Это — штрихи, которыми автор пользуется для создания колорита эпохи, для характеристики той материальной и общественной среды, в которой живут и действуют его герои. Наиболее удобный способ сбора подобной информации — фиксация на тематических карточках, что облегчает впоследствии обработку и сопоставление таких разрозненных данных.

Вторая категория — сведения, относящиеся к самим героям произведений. Сведения эти, собранные по всему тексту, позволяют составить комплексное представление о быте того или иного персонажа. Однако для того чтобы полученную информацию можно было широко и верно интерпретировать, необходимо в каждом случае по возможности полно охарактеризовать героя. С этой целью мы предлагаем заполнение на каждого героя «анкеты» с указанием его возраста, семейного положения, сословной и профессиональной принадлежности, образования, вероисповедания, национальности и пр. с последующим выявлением того признака или группы признаков, которые детерминируют его образ жизни, воззрения, поведение. Такой подход позволяет перейти от частного к общему; основываясь на конкретных примерах, составить представление о

---

[26] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 235.

характерных особенностях быта и нравов различных сословных, профессиональных, возрастных и других групп.

Третья категория содержащейся в источнике этнографической информации — это подробные, пространные описания тех или иных предметов или явлений (например, описание кулачного боя в «Поречанах» Н. Г. Помяловского, свадебного пира в «Скверном анекдоте» Ф. М. Достоевского, Никольского рынка в разное время суток во многих произведениях Ф. М. Решетникова и т. д.). Иногда все произведение представляет своего рода «картину с натуры», как, скажем, известный очерк В. А. Слепцова «Балаганы на святой», посвященный изображению народных гуляний на Адмиралтейской площади в Петербурге во время святой недели. Ценность подобной информации — в ее цельности, комплексности. В данном случае наиболее целесообразны дословные выписки, сохраняющие авторский язык и композицию материала.

При обработке информации также можно пользоваться разными методами. Один из них — широко распространенный в исторической науке сравнительно-типологический метод, заключающийся в сравнении данных источника с материалами других источников и специальной литературы. Этот метод позволяет в значительной мере преодолеть неизбежную субъективность каждого источника.

Другой метод — ретроспективный, или метод исторического моделирования. Для построения моделей можно предложить два способа. Первый — построение модели на материалах, собранных по формализованной программе. Во втором случае основой для модели служит найденное в каком-нибудь произведении подробное описание, которое дополняется имеющимися в этом же или в других произведениях отдельными штрихами или деталями. Предпочтительность применения того или иного способа диктуется характером содержащейся в источнике информации.

Определенную роль при обработке материала может сыграть и применение математико-статистических методов. Поскольку такие методы пока не часто используются этнографами, особенно при анализе нарративных источников, мы остановимся на них несколько подробнее.

Основная трудность, возникающая при статистической обработке художественной литературы, состоит в том, что информацию необходимо выразить в числах, т. е. измерить. Нам отчасти удалось преодолеть эту трудность, что мы и попытаемся показать на нескольких примерах. Следует заранее оговориться, что эти примеры носят чисто методический характер. Целью автора было не получение значимых результатов, а доказательство того, что выводы, сделанные на основе статистических подсчетов, не противоречат реальности и что, следовательно, им можно доверять и при решении вопросов, ответы на которые менее очевидны. Остается добавить, что материалом для математической обработки послужили произведения одного из наиболее выдающихся представителей русского реализма — Ф. М. Достоевского, написанные им в 60-х годах. Это романы «Преступление и наказание» и «Идиот», рассказы «Вечный муж», «Крокодил», «Скверный анекдот» и «Записки из подполья».

Одним из наиболее часто используемых приемов выявления связи между переменными является корреляция. Существуют несколько способов ее вычисления в зависимости от того, в какой шкале измерены сопоставляемые переменные. Известны три шкалы измерения: дихотомическая шкала наименований, шкала порядка и шкала интервалов[27]. Далее мы попытаемся, последовательно используя эти три шкалы, продемонстрировать приемы вычисления корреляции.

Проще всего измерить качественные признаки в шкале наименований. Суть измерений в этой шкале состоит в классификации предметов или явлений с последующим присвоением каждому классу порядкового номера. Номера присваиваются произвольно, т. е. если объекту А

[27] См.: *Гласс Дж., Стэнли Дж.* Статистические методы в педагогике и психологии. М.: Прогресс, 1976; *Суходольский Г. В.* Основы математической статистики для психологов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972; *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Историк и математика. Л.: Наука, 1975.

Таблица 1

Сопряженность между переменными *

Зависимая переменная	$x=0$	$x=1$	Итог
$y=1$	a	b	$a+b$
$y=0$	c	d	$c+d$
Итог	$a+c$	$b+d$	n

* a—не чиновники, проживающие в данном районе; b — чиновники, проживающие в данном районе; c — не чиновники, проживающие в других районах; d — чиновники, проживающие в других районах; n — число наблюдений.

Таблица 2

Сопряженность между переменными (принадлежность к чиновничеству и проживание в Спасской части)

Местожительство	Не чиновники	Чиновники	Итог
Спасская часть	5	3	8
Другие районы	3	7	10
Итог	8	10	18

Таблица 3

Сопряженность между переменными (принадлежность к чиновничеству и проживание на Петербургской стороне)

Местожительство	Не чиновники	Чиновники	Итог
Петербургская сторона	0	4	4
Другие районы	8	6	14
Итог	8	10	18

присвоен № 0, а объекту В — № 1, это означает только, что А≠В, но ничего не говорит о том, насколько и в чем различаются эти объекты. Для установления связи между двумя переменными, каждая из которых выражена в шкале наименований, употребляют коэффициент ассоциации φ и коэффициент связи Q. Оба эти коэффициента применимы только к альтернативному распределению. В случае, когда качественные признаки разделены на три и более группы, используют коэффициент взаимной сопряженности С.

Предположим, что необходимо выяснить наличие или отсутствие взаимосвязи между принадлежностью к определенной сословно-профессиональной группе (в дальнейшем СПГ) и проживанием в том или ином районе Петербурга. В качестве рассматриваемой СПГ возьмем чиновничество, так как именно этот слой наиболее широко представлен в произведениях Достоевского. Предварительный анализ текстовых данных позволяет выдвинуть два предположения относительно наиболее характерного для чиновников района расселения: это Спасская часть (район, прилегающий к Екатерининскому каналу и Сенной площади) и Петербургская сторона. Проверим последовательно эти предположения. Для этого нужно перевести данные в шкалу наименований и представить их в виде таблиц сопряженности. Обозначим цифрой 1 наличие признака (принадлежность к чиновничеству и проживание в обследуемом районе), а цифрой 0 — его отсутствие (принадлежность к другим СПГ и проживание в других районах). Пусть X — независимая переменная (СПГ), а Y — зависимая (местожительство). Составим таблицы (табл. 1—3) [28].

[28] Предлагаемые коэффициенты можно применять при $n \geqslant 12$. См. *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Указ. раб., с. 150.

Для вычисления корреляции подставим значения из табл. 2 и 3 в формулы:

$$\varphi = \frac{ad - cb}{\sqrt{(a+b)(c+d)(b+d)(a+c)}} \quad (1)$$

или

$$Q = \frac{ad - cb}{ad + cb}. \quad (2)$$

Для табл. 2 получим значения 0,325 и 0,591, а для табл. 3 — соответственно 0,478 и —1. Коэффициент Q дает более осторожный показатель корреляции, ибо он оценивает взаимовлияние двух признаков, а именно: как наличие у объекта признака *A* способствует появлению у того же объекта признака *B* и как отсутствие у объекта признака *A* обусловливает отсутствие у того же объекта признака *B* [29].

Необходимо учитывать, что знаки при коэффициентах связи и сопряженности можно принимать за направление корреляции (прямая она или обратная) с большой осторожностью. Использование этих коэффициентов позволяет установить, есть ли связь между признаками и насколько она устойчива [30].

Таким образом, мы приходим к выводу, что расселение на Петербургской стороне было более характерно для чиновничества. Этот вывод подтверждается и сведениями других источников [31].

В тех случаях, когда имеющиеся данные поддаются ранжированию по величине, значимости или другим признакам, измерение производится в шкале порядка. Если в этой шкале $A=1$, $B=2$, а $C=3$, это означает, что $C>B$, а $B>A$, но не означает, что $C>B$ настолько же, насколько $B>A$. Примерами измерений в шкале порядка могут служить классификация чиновников согласно «Табели о рангах», сословные группы, расположенные соответственно их правовому положению в обществе, и пр. Для этой шкалы применяются коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (r_s) и Кендалла (τ). С помощью коэффициентов ранговой корреляции вычислим взаимосвязь между уровнем дохода чиновников и их жилищными условиями. Для этого выделим следующие категории жилища: собственный многоэтажный (доходный) дом; собственный одноэтажный дом; квартира; комната; угол. Способ вычисления корреляции таков: пусть x — независимая переменная (уровень дохода), а y — зависимая (жилищные условия). Определим ранг каждого чиновника по x и по y и составим таблицу (табл. 4).

Роли чиновников по уровню дохода и жилищных условий

№ п/п	Ранг по x	Ранг по y	$x-y$	$(x-y)^2$
1	1	1	0	0
2	1	1	0	0
3	3	3	0	0
4	4	7	—3	9
5	6	8	—2	4
6	6	10	—4	16
7	6	4	2	4
8	8,5	5,5	3	9
9	8,5	11	—2,5	6,25
10	10	9	1	1
11	11	5,5	5,5	30,25

Поскольку в нашей выборке есть чиновники с одинаковыми рангами как по x, так и по y, воспользуемся коэффициентом Спирмена для свя-

[29] См. *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Указ. раб., с. 130.
[30] Там же, с. 131.
[31] См.: *Решетников Ф. М.* Где лучше? Пермь, 1982, с. 241—244; *Гребенка Е.* Петербургская сторона.— В кн.: Физиология Петербурга. М.: Сов. Россия, 1984, с. 109—110.

занных рангов:

$$r_s = 1 - \frac{6\,[\Sigma\,(x-y)^2 + T_x + T_y]}{n\,(n^2-1)} \qquad (3)$$

В формуле (3) x — ранг объекта по уровню дохода; y — ранг того же объекта по жилищным условиям; n — число наблюдений; T_x и T_y — поправка на связанные ранги, вычисляемая по формулам:

$$T_x = \frac{(t_x^3 - t_x)}{12}\,;\; T_y = \frac{(t_y^3 - t_y)}{12}\,, \qquad (4)$$

где t_x и t_y — число одинаковых рангов объекта по x и y соответственно. Подставив в формулу (3) значения из табл. 4, получим $r_s \approx 0{,}64$. Этот коэффициент показывает, что уровень дохода был существенной, но не единственной детерминантой жилищных условий.

Третья шкала измерений — шкала интервалов, или отношений. Она позволяет измерять только такие данные, которые можно выразить в конкретных числах. В отличие от двух предыдущих шкал, где числа являлись символами, числа в шкале интервалов несут в себе количественную информацию о свойствах объекта. Корреляция переменных в шкале интервалов рассчитывается по формулам:

$$r_{x,y} = \frac{n\Sigma xy - (\Sigma x)\,(\Sigma y)}{\sqrt{n\Sigma x^2 - (\Sigma x)^2\,[n\Sigma y^2 - (\Sigma y)^2]}} \qquad (5)$$

или

$$r_{x,y} = \frac{\Sigma\,(x-\bar{x})\,(y-\bar{y})}{nS_xS_y}\,. \qquad (6)$$

В качестве примера выясним, насколько адекватно отражена в произведениях Ф. М. Достоевского сословно-профессиональная структура Петербурга. Для этого вычислим процентный состав населения Петербурга по данным источника и сравним полученные цифры с соответствующими сведениями Всеобщей переписи Санкт-Петербурга 1869 г.[32] Тогда в формуле (5):

x — принадлежащие к определенной сословной группе по данным переписи (%); y — то же по данным литературного источника; n — число выделенных групп; в формуле (6): $\bar{x}$ — x среднее; $\bar{y}$ — y среднее; S_x и S_y — стандартные отклонения[33]. Поставим данные таблицы 5 в формулу (5):

$$r_{x,y} = \frac{6\cdot 2350 - 10\,000}{\sqrt{(6\cdot 3293 - 10\,000)\,(6\cdot 258 - 10000)}} \approx 0{,}46;$$

или в формулу (6):

$$S_x = \sqrt{\frac{6\cdot 3293 - 10\,000}{30}} \approx 18{,}03;\; S_y = \sqrt{\frac{6\cdot 2587 - 10\,000}{30}} \approx 13{,}56;$$

$$r_{x,y} = \frac{68\,462}{6\cdot 18{,}03\cdot 13{,}56} \approx 0{,}46.$$

Если представить данные графически (см. рисунок), становится очевидным наличие прямой зависимости между сопоставляемыми переменными: только одна из точек существенно отклоняется от прямой линии, и именно благодаря ей происходит заметное снижение коэффициента корреляции. В таких случаях допустимо отбросить крайнюю точку и произвести вычисления, не принимая ее в расчет. Тогда $r_{x,y}$ принимает значение 0,8, т. е. налицо достаточно строгое соответствие данных источника реально существовавшему в то время сословно-профессиональному составу населения Петербурга. Преуменьшение числа крестьян могло быть объективно обусловлено тем, что крестьянство в городе являло чрезвычайно пеструю по имущественному положению и занятиям группу, а сама принадлежность к крестьянскому сословию была в большинстве случаев лишь формальной.

---

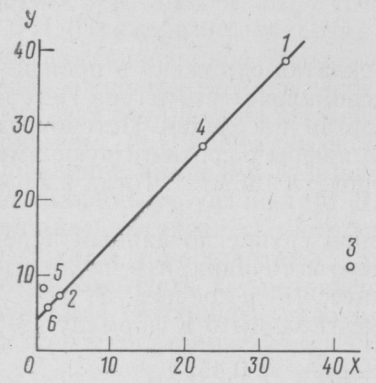
[32] Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1—3. СПб., 1872—1875.
[33] Стандартное отклонение равно квадратному корню из дисперсии.

Таблица 5

Сословно-профессиональная структура населения Петербурга в 1860-е годы (по произведениям Ф. М. Достоевского и материалам Всеобщей переписи Санкт-Петербурга 1869 г.)

Население	x	y	x^2	y^2	xy	$x-\bar{x}$	$y-\bar{y}$	$(x-\bar{x})(y-\bar{y})$
Потомственные и личные дворяне	32,35	39,80	1046	1584	1287	15,75	23,2	365,4
Купцы и почетные граждане	2,75	7,07	7,56	50	19,44	—13,85	—9,53	132
Крестьяне	42,75	11,5	1827	132	492	26,15	—5,1	—133,3
Мещане	20,28	26,55	411	705	538	3,68	9,95	36,62
Чиновники не из дворян	0,72	8,85	0,52	78	6,37	—15,88	—7,75	123,07
Интеллигенция не из дворян	1,15	6,19	1,32	38	7,11	—15,45	—10,4	160,83
Σ	100%	100%	3293	2587	2350			68462

Разумеется, исследователь, желающий получить представление о сословной структуре Петербурга, непременно обратится к материалам переписи. Для решения этого вопроса нет необходимости собирать по крупицам сведения в художественных произведениях. Приведенный пример служит лишь подтверждением того, что чутье истинного художника воссоздает не менее точную и объективную картину, чем результаты специальных обследований.



Прямая, отражающая корреляционную связь между данными переписи 1869 г. (по оси x) и данными источника (по оси y) о сословно-профессиональном составе населения Петербурга в 1860-е годы: *1* — потомственные и личные дворяне; *2* — купцы и почетные граждане; *3* — крестьяне; *4* — мещане; *5* — чиновники не из дворян; *6* — интеллигенция не из дворян

Поскольку применение математических методов в этнографии еще не имеет длительной традиции, пока нельзя считать, что изучены все допустимые способы статистической обработки информации. Предпринятая нами попытка — только небольшой опыт, выявляющий некоторые возможные пути математического анализа нецифрового материала. Не исключено, что в дальнейшем удастся разработать более результативные приемы извлечения информации из художественного текста. В этом случае математика сможет обогатить и существенно дополнить традиционные методы этнографических исследований.

Подведем итоги. Представляется очевидным, что художественная литература заслуживает самого широкого внедрения в оборот этнографической науки как один из ценных источников. Особенно полезным может быть его использование при изучении таких вопросов, как образ жизни, различные аспекты соционормативной культуры, этническое самосознание и пр. Чтобы это стало возможным, необходимо выработать единые критерии анализа и оценки содержащейся в художественных произведениях информации и способы ее обработки. Разумеется, для получения достоверных результатов данный источник должен использоваться в комплексе с различными видами традиционных этнографических источников, что будет способствовать всестороннему освещению изучаемых предметов и явлений и повышению объективности сведений. Преодолев некоторые трудности, неизбежные на этапе разработки новой методики, этнографы получат богатейший и интереснейший материал, который сторицей вознаградит их усилия.